

Морозко (Гатцук)

Жил-был старик со старухой, а у них было три дочери. Старшая-то дочь доводилась старухе падчерицей. Дело известное: падчерице при мачехе что за житье? С утра до вечера старуха ее поедом ест: «Экая ленивица, экая неряха! И веник-то не у места, и ухват не так поставлен, и в избе-то сорно!» А Марфуша всем взяла: собой пригожа, работница, скромница: до свету поднимется, дров, воды принесет, печку истопит, пол подметет, скотине корму задаст. Всячески старалась Марфуша угодить мачехе, все попреки молча сносила; только, бывало, и отведет душу, что сядет в уголок да поплачет. Глядя на мать, и сестры частенько ее до слез обижали. Сами они поздно просыпались, приготовленной водицей умывались, чистым полотенцем утирались, а за работу садились, когда пообедают. Жалко было старику старшей дочери, да не знал он, чем горю пособить, такую уж власть жена над ним взяла.

Дочери растут да растут — вот уж и невестами стали. Начали старики между собой думу думать: как бы получше их пристроить. Отец всем трем добра желает, а мать только двум своим. И, надумала она про падчерицу думу худую. Раз говорит она мужу: «Ну, старик! Марфутку замуж пора сдавать, а то пока еще к ней какой женишишка навернется — мои дочки хороших женихов упустят. Все же вперед старшую надо с рук сбывать». — «Ладно», — сказал старик и полез на печку. А старуха вслед ему: «Я же ей и жениха надумала. Завтра встань пораньше, запряги лошадь в дровни и поезжай с Марфуткой; а куда — тогда и скажу. А ты, Марфутка, собери свое добро в коробейку да оденься получше: поедешь с отцом в гости».

Поутру Марфуша встала ранехонько, умылась белехонько, Богу помолилась, отцу-матери поклонилась, собрала свое добро в коробейку и сама нарядилась — невеста хоть куда. Старик запряг лошадь в дровни, подвел к крыльцу и говорит: «Ну, я все наладил. А ты, Марфуша, готова?» — «Готова, батюшка». — «А коли готовы, так закусите на дорогу чем Бог послал», — говорит мачеха. Дивится старик: «С чего это моя старуха вдруг раздобрилась?» Покормила мачеха старика с падчерицей и говорит: «Просватала я Марфушу за лесного дедку Мороза — жених богатый, чего ей еще надо. Правда, хоть не молод, ну да ничего: стерпится слюбится». Старик и ложку выронил, глаза вытаращил, смотрит на жену. «Опомнись, старуха! — говорит. — В уме ли ты?» — «Ладно, разговаривай еще! Жених богатый. У него все елки, сосны да березы в серебре стоят. И дорога к нему, не Бог знает, какая дальняя: сперва прямо поезжай,

потом направо, в темный лес заверни, а там, как десять верст проедешь, под высокой сосной Марфутку и ссади. Да место заприметь хорошенько — завтра молодую навесить тебя же пошлю. Ну, живей, нечего время терять!..» А на дворе стояла зима лютая, лежали снега глубокие, птица на лету мерзла.

Встал старик с лавки, положил дочернины пожитки на дровни, велел ей надеть шубу — и поехали. Доехали до лесу, въехали в глушь непроходимую и под высокой сосной остановились. «Слезай, дочушка», — говорит старик. Слезла Марфуша. Старик снял с дровней коробейку, поставил под сосной, посадил дочку свою и сказал: «Ну, сиди, жди жениха, да принимай ласковее...» Простился с дочерью и поехал домой.

Сидит Марфуша под высокой сосной на коробейке, сидит, пригорюнилась. Стало ее холодом-ознобом провать, звонче пощелкивать и опять спрашивает: «Тепло ль тебе, девица? Тепло ль тебе, красная?» — «Ой, тепло, дедушка!» А сама чуть дух переводит. Спустился Морозко до самой земли: «Тепло ль тебе, девица? Тепло ль тебе, красная?» А Марфуша уже замерзать стала. Тут сжалился Мороз, покрыл ее шубами, отогрел одеялами, обласкал, подарил ей сундук с нарядами, шубу, атласом крытую, серебра-золота и камней самоцветных. «Разжалобила, — говорит, — ты меня, красная девица, разжалобила своей кротостью да безответностью».

Наутро старуха поднялась раным-рано, стала блины печь, чтоб было чем падчерицу помянуть. «Ну, поезжай, — говорит мужу, — поздравь молодых-то». Старик запряг лошадь и поехал. Доехал до высокой сосны — и глазам не верит: сидит Марфуша на коробейке веселая-превеселая, на ней шуба новая, в ушах серьги драгоценные, рядом ларец, серебром окованный. Сложил старик все добро на воз, сел с дочерью — и скорей домой.

Дома старуха блины печет, а Шавка из-под лавки тявкает: «Тяв, тяв! Марфуша едет, воз добра везет!» Рассердилась старуха, швырнула в Шавку поленом: «Врешь, подлая! Старик в кошелке Марфуткины косточки везет!» Вот и дровни подъехали. Вышла старуха на крыльцо — да так и остолбенела: сидит на дровнях Марфуша жива невредима, разряжена лучше праздничного, а рядом ларец с подарками дедки Мороза. Затаила мачеха злобу до времени, ласково с падчерицей поздоровалась, в избу ввела, под образами с почетом посадила.

Зависть взяла двух старухиных дочерей, как увидали они богатые Морозкины подарки. Стали они у матери просить: «Свези нас в лес, к Морозке в гости: он и нас подарками одарит. Чем мы хуже Марфутки?» Вот рано поутру старуха дочек своих накормила, убрала, снарядила и в путь-дорогу отпустила. Старик

свез их на то место, куда Марфушу возил, и оставил под высокой сосной. Сели девицы рядышком и стали ждать, про великие богатства Морозкины судить-рядить. Девушки были в шубах, а все-таки порядочно прозябли. «Что это Морозко-то запропастился? — говорит одна. — Ведь так мы замерзнем». — «Что ты с ним станешь делать? — говорит другая. — Разве эти женихи рано собираются? А ты как думаешь, кого он возьмет: меня или тебя?» — «Конечно, меня, не тебя же младшую». — «Ан врешь». — «А ты дура!» Слово за слово, и перебранились, стали друг дружку отчитывать: «Ты такая, а ты этакая». Бранились, бранились, вдруг слышат: Морозко по лесу потрескивает, пощелкивает, с елки на елку перескакивает. Примолкли девушки. Вот Мороз уж и на высокой сосне. «Тепло ли вам, девицы? Тепло ли вам, красные?» — спрашивает. «Ой, дедка, больно студено!

Чуть не замерзли мы, тебя поджидаячи. Где это тебя до сей поры носило?» Стал Морозко ниже опускаться, сильнее потрескивать, звонче пощелкивать и опять спрашивает: «Тепло ли вам, девицы? Тепло ли вам, красные?» — «Да ну тебя, старого дурака! Заморозил вовсе, да еще спрашивает: тепло ли! Полно шутки шутить. Давай подарки, а то плюнем и уйдем вовсе». Спустился Мороз до самой земли и опять спрашивает: «Тепло ли вам, девицы? Тепло ли вам, красные?» Рассердились вовсе, мачехины дочки, не хотят и отвечать ему. Обозлился и Морозко да так приударил, что девицы, как сидели, так и зачоченели... А он их холодным инеем присыпал и пошел себе по лесу с елки на елку перескакивать, с ветки на ветку попрыгивать, потрескивать да пощелкивать.

На утро старуха говорит старику: «Запряги, старик, пошевни, положи сена побольше да возьми теплое одеяло. Дочки-то, чай, продрогли: ишь какой мороз на дворе! Да проворней поворачивайся!» Старик живо собрался и поехал. Приехал в лес, да так руками и всплеснул: обе дочки мертвые, прислонясь к сосне, сидят! Нечего делать, поднял их, положил в пошевни и повез домой.

Дома старуха хлопочет, обед готовит, чтобы получше дочек угостить, а Шавка из-под лавки: «Тяв, тяв! Старик едет, дочерей косточки везет». Рассердилась старуха, швырнула в Шавку поленом: «Врешь, подлая! Старик с дочками едет, воз добра везет!» Вот и пошевни подъехали. Вышла старуха на крыльцо — да так и остолбенела: лежат обе дочки мертвые. «Что ты наделал, старый хрыч? Уходил ты моих деточек, моих милых дочек, ненаглядных. Вот я ж тебя кочергой попотчую!» — «Что делать, старуха? — говорит старик. — Ведь мы тут виноваты: они — что на богатство польстились, ты — что их не остерегла, а

мой грех — что раньше я тебя мало учил; под старость поздно уж приниматься».

Поплакала старуха, посердилась, побранилась — да после с мужем и помирилась. С тех пор она и к падчерице добрее стала, а когда к Марфуше жених-молодец присватался, старуха на ее свадьбе со стариком еще камаринскую плясала.